

— Какъ могу я сказать? Чтò мнѣ сказать, кромѣ того, что все это въ рукахъ Божіихъ? Я старикъ и много страдалъ. Все, что мнѣ было дорого, у меня отнято, все—кромѣ ея. Какъ могу я думать о твоёмъ горѣ, когда мое собственное такъ тяжко?

— Мы должны думать о ней.

— Я не могу утѣшить ее, не могу и осуждать. Я даже не стану пытаться убѣдить ее. Она—все, чтò у меня осталось. Если я одну минуту и думалъ, что мнѣ пріятно было бы видѣть мою дочь женою такого высокопоставленнаго лица, какъ ты, это безуміе забыто. Съ меня теперь было бы довольно видѣть моего ребенка живымъ; Богъ съ ними, съ титулами, общественнымъ положеніемъ, величавыми дворцами.

— Кто думалъ обо всемъ этомъ?

— Я думалъ. Не она—мой ангелъ, моя бѣлоснѣжная голубка!

Горячія слезы потекли по лицу Гэмпстеда.

— Мы съ тобой, милордъ,—продолжалъ Захарія Фай,—испытываемъ тяжкое горе изъ-за этой дѣвушки. Вѣрно, что твоя любовь, какъ моя, искренна, честна, глубока. Ради ея самой желалъ бы я имѣть возможность отдать ее тебѣ, ради твоей искренности и честности, не ради твоего богатства и титуловъ. Но не въ моей власти отдать ее. Она сама себѣ госпожа. Я не скажу ни слова, чтобъ убѣдить ее, въ томъ или другомъ смыслѣ.

На этомъ они разстались.

О. П.